

Елена Георгиевна Борисова

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ УЗУАЛИЗАЦИИ

Статья отражает результаты исследований, выполненных в развитие идей, заявленных в статье Борисова 1994. В работе рассматриваются различные аспекты явления узуализации – закрепления какого-то значения за словом (а также за словосочетанием, морфемой, речением и т.п.). Предлагается модель механизма узуализации, базирующаяся на прагматических понятиях. Показывается возможность использования этой модели для интерпретации процессов возникновения устойчивых словосочетаний (коллокаций, идиом, штампов). Предлагаемая модель в основном выполнена в рамках модели “Смысл-Текст”, дополненной положениями прагматики.

1. Узус и речевое поведение

Под узусом мы понимаем употребление какой-либо языковой единицы в соответствии со сложившейся в языковом коллективе традицией (см. ЛЭС). Например, иррегулярные грамматические формы («Почему *дам*, а не **даду*»), несвободная сочетаемость («Почему *делать замечание* и *принести извинения*, а не наоборот»), переносное употребление слов, идиомы и штампы разного рода – все это объясняется тем, что «это узус». Если в некоторых случаях на узус списывают сохранение архаичных грамматических форм, то в других ему, напротив, приписывают участие в закреплении новых свойств (новых значений, сочетаемости и т.п.), называя это явление узуализацией.

Принято считать, что узуализация – это естественный процесс: слово или словосочетание употреблялось в каких-то контекстах, и за ним закрепилось значение, которое имеется в этих контекстах. Но такое представление не дает ответа на вопрос: почему слово могло употребляться в новом значении до того, как закрепилось это значение, почему одно закрепилось, а другое нет и т.п. Покажем, как узуализация может быть вписана в модель речевого поведения, базирующуюся на прагматических основаниях, и что это дает для ответа на поставленные вопросы.

Мы исходим из того, что в процессе общения говорящий при выборе средств для выражения своего замысла моделирует понимание сказанного

слушающим. Иными словами, он взвешивает (в полном объеме и осознанно или фрагментарно и автоматически – это мы сейчас не обсуждаем), какой из возможных вариантов будет лучше всего (легче, полнее, безошибочнее) понят слушающим в данной речевой ситуации и выбирает именно его. Например, выбирая из глаголов *приходить* и *входить*, которые могут отражать одну и ту же ситуацию реальности – движение внутрь чего-либо, говорящий учитывает, что в контексте *Он... в институт рано и сразу начал искать коллег* легче будет понят глагол *пришел*, т.к. далее в нем описывается ситуация, происходящая в институте. В принципе глагол *входит* тоже мог бы быть здесь употреблен, но он требует дополнительных импликаций. *Вошел* значит «пересек границу снаружи внутрь». Логический вывод здесь помогает понять, что после этого он начал находиться в институте. Однако логический вывод требует дополнительных усилий слушателя, к тому же он не всегда надежен – вдруг слушатель почему-либо его не сделает. Поэтому говорящий предпочитает глагол *пришел*, таких выводов не требующий. Слушающий знает о стратегии говорящего, поэтому понимает, что для описываемой ситуации будет выбран только глагол *пришел*. (И действительно, *Он вошел в институт рано и сразу начал искать коллег* кажется аномальным). А глагол *вошел* выбирается, когда описывается несколько иная ситуация. Например, этот глагол будет уместен во фразе *Он вошел в институт рано утром, когда всхтер только отпер дверь*.

Предположение о стремлении говорящего к максимальному удобству для слушателя сформулировано среди прочих постулатов Грайса (Grice 1975). Однако нельзя не признать, что (в отличие от некоторых других постулатов, например, об искренности) это стремление прямо вытекает из задачи коммуникации: говорящий всегда стремится, чтобы его правильно поняли (независимо от того, правду ли он хочет сказать или солгать, хочет ли он дополнительно показать вежливое отношение и т.п.). А для этого он должен убрать препятствия и облегчить задачу слушателю. (Подробнее эта проблема на примере тех же глаголов движения рассматривается в работе Борисова 1996).

Теперь, если предположение о таком представлении стратегии говорящего принимается, выясним, на чем основывается говорящий, прогнозируя понимание своего сообщения. Естественно предположить, что используются закрепленные в языке значения слов и других единиц. Как известно, лексические значения не могут точно совпадать с тем, что хочет сказать говорящий (смыслом сообщения), поэтому для описания одной ситуации может использоваться несколько несинонимичных единиц, между которыми делается выбор. Для понимания замысла говорящего слушателю нередко приходится прибегать к домысливанию, импликациям.

Это необходимо, к примеру, при изменении явления в жизни. Например, название словом *ручка* шариковых ручек, появившихся в шестидесятые годы, требовало на первых порах некоторой догадки слушателя, до того относившего это слово к приборам для писания чернилами (авторучкам, перьевым ручкам). Аналогичные процессы происходят постоянно при использовании абстрактной лексики и некоторых других классов слов, чье соотношение с экстенционалом может вызвать сомнения.

Употребление слова в своем основном значении может интерпретироваться как узус, т.к. это значение закреплено за понятием. В то же время, поскольку эти значения составляют достояния всех, говорящих на данном языке, они входят в языковую систему. Здесь система и узус работают одновременно. Однако сплошь и рядом возникают отклонения от этой ситуации, при которых и приходится вспоминать узус, противопоставляя его системе. Вернемся к примеру с шариковой ручкой. Хотя слова *ручка* и *паста* стали употребляться по отношению к новому прибору почти автоматически (не так обстояло дело во французском языке, см. Гак 1998, 29), слово *стержень* потребовало узуального закрепления, поскольку исходя из русской лексической системы, нельзя было предсказать его выбор однозначно (могли быть взяты слова *вкладыш*, *прутик*, *трубка*, *палочка*, *капилляр*).

Посмотрим на отмеченные процессы с точки зрения предложенной нами модели.

2. «Обратное означивание»

В семиотике, логике, а вслед за тем и в языкознании закрепились точка зрения, согласно которой знак с одной стороны связан с обозначаемым им множеством объектов (или явлений) действительности, а с другой – с концептами, являющимися абстракцией этих объектов или явлений. В лингвистике обычно говорят о денотате и сигнификате. О точном содержании этих понятий ведутся споры. Но понятно, что учет обеих сторон содержания языкового знака важен для моделирования речевого поведения.

Как мы уже сказали, говорящий и слушающий опираются на значение слова (и других языковых единиц) при сообщении и понимании. На какой именно компонент значения он опирается – на денотативный или сигнификативный? Нам неизвестен ответ в общем случае. Однако для некоторых слов из абстрактной лексики был проведен эксперимент (при участии студентов МГУ).

Были проведены опросы различных групп москвичей о восприятии таких слов, как *социализм*, *демократия*, *реформа* и некоторых других. Предлагалось дать определение каждому из этих слов. Часть определений

базировалась на выделении общих концептуальных свойств («социализм – это когда общественная собственность на средства производства», «социализм – строй, где от каждого по способностям, каждому по труду»), т.е. дававшие определение явно обращались к сигнификату понятий (в той или иной степени навязанному образованием, пропагандой и т.п., что естественно для общественно-политической лексики). Другие же явно ориентировались на денотат, при слове *социализм* описывая советские порядки, *демократия и реформы* – постсоветские («социализм – бесплатное образование и медицина», «социализм – это когда очереди в магазинах» и т.п.).

Можно предположить, что говорящий, сопоставляя передаваемое с имеющейся в распоряжении лексикой, сравнивает и по параметру сходства с образом (прототипом) денотата, и по представлениям о свойствах данного понятия. Между этими двумя сторонами содержания знака имеется взаимосвязь, которая приводит к возникновению обратной связи. Если говорящий решил, что к данной ситуации можно применить выбранное им слово, то множество явлений, называемых данным словом, пополнится еще одним элементом – данным случаем. Например, если он решит, что общественное устройство Австрии можно назвать *социализмом*, то в дальнейшем, задумываясь над возможностью применения слова *социализм*, он будет учитывать и пример Австрии.

Для слушающего понимание слова, если ситуация, которую имеет в виду говорящий, не вполне соответствует значениям этого слова, затруднено, но все-таки возможно благодаря выводам из контекста, как мы отмечали выше. Соответственно, слушающий в случае успешного понимания того, что имеет в виду говорящий, тоже расширяет свое представление о значении слова, в первую очередь – за счет представления о денотате.

Привязка слова к ситуации и есть момент действия узуса: слушающий воспринимает возможность употребления этого слова как результат сложившейся традиции, которую разделяют они с говорящим. Если это употребление не обосновывается представлениями о денотативном и сигнификативном компонентах этого слова, то узус будет восприниматься как противоречащий системе. (Для разрешения этого противоречия некоторые носители обращаются к эпитетам *подлинный, настоящий, истинный*, которые применяются к сигнификату слова, ср. «То, что у нас было, не было подлинным социализмом».) Однако с течением времени при повторении схожей ситуации (если описываемое явление, которое не вполне подходило под лексические значения, встречается в жизни снова и снова), в языковом сознании участников ситуации происходят изменения, и возникает (точнее, закрепляется) новое значение слова. Оно может вытеснить старое значение слова (так у слова *вратарь* «спортивное» значение

вытеснило историческое («монастырский привратник») или оказаться еще одним его значением.

Рассмотрим, как это происходит, на примере слова *демократ*. В русском языке это слово и связанные с ним *демократия*, *демократический* понимались или как «сторонник власти народа», или как «сторонник равных отношений независимо от положения (обычно о высокопоставленных)», ср. *Наш директор – демократ, с рабочими здоровается за руку*. Второе значение в жизни встречалось чаще. В целом окраска у слова была положительная. Было еще одно значение – «член демократической партии», но это относилось к числу экзотизмов: имелись в виду члены зарубежных партий (Данные основываются на словарях СРЯО, МАС).

Происходивший в ходе перестройки процесс был назван *демократизацией*, т.е. процессом приближения к власти народа, усилением роли демократии. Поскольку процесс заключался в изменении существующего режима, то название *демократ* было отнесено к противникам существовавшего тогда режима (партократического, административно-командного и т.п.). Впервые слово *демократический* появляется в официальных названиях в 1987–1988гг.: «Демократическая платформа в КПСС», «Демократический Союз». Отметим, что ранее противники режима назывались *диссиденты*, *правозащитники*, но не *демократы*. В 1989г. тогдашняя оппозиция еще почти не употребляла этого слова в самоназвании (ср. «Ленинградский народный фронт», «Московское объединение избирателей», «Межрегиональная депутатская группа» и т.п.), хотя в неофициальной речи и в газете оно уже использовалось. Название *демократы* стало популярно с 1990г., с появления объединения «Демократическая Россия» (это название интересно тем, что это первый случай употребления слова *Россия* в названиях «демократических» организаций. И слово *Россия* вызвала споры создателей, тогда как определение воспринималось как бесспорное). К августу 1991г. за словом демократ твердо закрепилось значение «противник коммунистов». Возникли оппозиции «демократ – консерватор», «демократ – партократ». Так что события после путча многими назывались «Августовская демократическая революция».

События последующих лет в течение какого-то времени воспринимались как «демократия», а слово *демократ* применялось к руководству страной (несмотря на заявления различных политических сил о том, что происходящее не является «подлинной демократией»). В результате, поскольку ситуация в стране оценивалась в основном негативно, слова *демократ* и *демократия* получили отрицательные оценочные коннотации, а их сигнификат приблизился к понятийной области беспорядка, неправовых действий, демагогии. В политических программах стало употребляться слово *народовластие*, а в названиях претендующих на успех

политических группировок слово *демократия* стало избегаться. Так, в середине 90-ых блок, сформированный на базе «Демократической России», получил название «Выбор России», а в конце века те же силы приняли название «Союз правых сил».

Таким образом, можно считать, что в русском языке возникло новое значение слова *демократ* (приблизительно его можно описать как «сторонник и проводник реформ, разрушивших Советский Союз»). Новые оттенки, ставшие впоследствии новым значением, возникли в результате изменения свойств денотата, поскольку при выборе слова говорящий ориентировался не только на понятие, но и на соотносимость с определенным множеством явлений (Если бы говорящий руководствовался только сигнификативным компонентом значения слова *демократ*, это слово для определения соответствующих политических сил перестало бы употребляться уже в 1990г., когда и возникли первые разговоры о том, что «это не настоящие демократы».) Употребление с ориентацией на денотат при противоречии сигнификату можно считать проявлением узуса, вступившего в противоречие с системой (в данном случае – системой лексических значений).

Когда новое значение закрепляется в языке, оно служит опорой говорящему и слушающему в выборе средств наименования при выражении своего замысла. Однако и до того возможность употребления слова, воспринимаемая как дань новой традиции, тоже может служить основой для выбора данного слова. Повторное употребление этого слова в новом значении облегчает его понимание слушающим, а значит, увеличивает вероятность того, что говорящий решится его выбрать, выражая смысл, соответствующий новому значению. Процесс узуализации в таком случае можно сравнить с ручейком, текущим по песку – чем больше течет, тем глубже русло и меньше вероятность, что вода пойдет каким-то другим путем.

3. Узуализация и речевая ситуация

Мы рассмотрели узуализацию нового значения слова, когда действие узуса в противовес системе заключалось в отнесении слова к явлению вопреки его значению (точнее, сигнификативному компоненту) благодаря связи с денотатом. Рассмотрим теперь поведение языковых знаков, когда узус привязывает этот знак к определенной речевой ситуации. Имеются в виду так называемые этикетные формулы приветствия, благодарности, прощания и т.п. Не вызывает сомнения, что такие словосочетания, как *будьте добры*, *позвольте представить*, *не за что* – фразеологизмы, которые описываются как единицы с единым значением. И в том случае,

если речевая формула состоит из одного слова - *здравствуйте, прощайте* и т.п мы видим то же особое значение слова, не сводимое к лексическому и грамматическому значению словоформ (например, императив от глагола *здравствовать*). Содержанием оказывается привязка к речевой ситуации, что можно считать значением особого типа – прагматического. Это исключает необходимость обращения к понятиям сигнификата и денотата, а также объясняет дефектность парадигмы таких слов. Действительно, *Здравствуйте, дети!* и *Он и поныне здоровствует* трудно считать реализациями одной лексемы. Такова точка зрения Н.И.Формановской.

Это – крайний и потому очевидный случай. В большинстве же случаев появление прагматического компонента в значении слова не вытесняет основного значения. Более того, нередко его бывает трудно заметить, это проявляется только в переводческой деятельности, когда при дословном переводе выясняется, что «так правильно, но мы так не говорим». Рассмотрим ситуацию, когда говорящий считает свое предыдущее сообщение ненужным (например, оказалось, что его упрек в адрес слушателя ошибочен). В немецком языке для сообщения об этом используется *Vergiß das* «Забудь это». По-русски здесь можно сказать *Забудь об этом*, однако это наверняка вызовет повышение внимания слушателя: что такое секретное он услышал, если ему предлагают это немедленно забыть? Русский в разговорной речи употребит выражение *Проехали*, а в более формальном общении скажет: *Ладно, это неважно* или уточнит свое отношение к сказанному незакрепленными в языке средствами.

В данном случае происходит узуализация слова (или словосочетания, а нередко и предложения) по отношению к типичной речевой ситуации. Механизм здесь вполне сходен с тем, который мы попытались смоделировать при изменении значения слова в соответствии с расширением денотата. Говорящий, выбирая средства выражения, ориентируется на их лексические значения, закрепленные в языке (в основном, на сигнификативный компонент значения). Однако поскольку речевая ситуация повторяется, устанавливается связь между ситуацией и лексикой примерно так же, как и между словом и его новым денотатом. В результате, когда говорящий выбирает из нескольких возможных средств выражения (как, например, при реакции на оплошность), он учитывает и то, что в данной речевой ситуации достаточно часто звучало определенное словосочетание. Это словосочетание (или одно слово) таким образом получает преимущество при выборе, т.к. для слушающего легче понять то, что он уже когда-то слышал в данной ситуации. Через какое-то время преимущество становится настолько значительным, что употребление именно данного варианта становится единственно возможным.

Эти этапы видны на затронутых нами примерах. Первый, когда языковые средства еще не привязаны к определенной речевой ситуации, это русская реакция на напрасно сказанное: мы говорим не что-то определенное, а строим высказывание свободно (*Ладно, это не важно, Я ошибся, не обращай внимания* и т.п.). Однако уже разговорное *Проехали* демонстрирует стадию определенного закрепления, хотя и здесь возможна иная реакция (типа *Это я сдуру ляпнул*). То же, видимо, верно и для немецкой речевой реакции в этой ситуации. Наконец, следующая стадия выявляется в этикетно закрепленных способах приветствия, благодарности и т.п. (При встрече нельзя сказать *Я бы хотел видеть вас здоровым*, или *Будьте здоровы*, хотя по смыслу это соответствует *Здравствуйте*).

В большинстве типичных ситуаций, кроме этикетных, речевая реакция бывает частично закрепленной, и этот факт вскрывается обычно лишь при изучении неродного языка. Например, изучающим русский трудно бывает правильно среагировать на приглашение: *Приходите к нам*. Ответы *спасибо, да, конечно* узуально не закреплены, требуется ответ *Спасибо, с удовольствием, Спасибо, непременно* (Все способы реализации речевых актов типа согласия, возражения, приглашения и т.п. И.А. Шаронов называет конверсативами, см. Имплицитность 1999, 95)

Еще один пласт единиц, употребление которых связано с определенной речевой ситуацией, это служебные слова: частицы, союзы, модальные слова и междометия. Если посмотреть их словарные статьи, то во многих можно найти упоминания о речевых реакциях, например, частица *и* используется для выражения восхищения *И красив он!* Здесь тоже в большинстве случаев узуализация прошла вплоть до последнего этапа – возникновение нового значения слова, связанного с прагматическими свойствами.

4. Закрепление метафорического значения

Особый интерес вызывает возникновение метафорического («переносного» в русской филологической традиции) значения слова, поскольку метафора представляет собой заведомо «неправильное» употребление слова. В отличие от обычного развития значения, где закрепление за словом нового значения происходит постепенно, и только через большие промежутки времени связь между двумя лексико-семантическими вариантами слова теряет прозрачность, метафора – это сразу резкий скачок. Разница между значениями, как правило, настолько значительна, что буквальное понимание может привести к абсурду, ср. например, *живое серебро* (о рыбе), *теплый прием*, *горячий привет* и т.п.

Видимо, можно считать, что большой разрыв в значениях и обеспечивает отсутствие непонимания: в результате слово оказывается в контексте, настолько отличающемся от обычного, что уже это показывает невозможность его понимания в прямом значении (см. Арутюнова 1990). Поэтому возможны «живые» спонтанные метафоры в обыденной речи (*Он даже не тюфляк, а просто студень какой-то* – о нерешительном человеке), в публицистике (*Самолет перестройки взлетел* – из политического выступления), в научной и художественной речи. В этих случаях правильному пониманию помогают и слова с модальным значением (*буквально, настоящий*), в устной речи – интонация, а в письменной нередко кавычки. В любом случае говорящий дает достаточно информации слушающему, чтобы тот понял слово не обычно, а включив механизм уподобления – «как если бы» (Телия 1988).

Успешное понимание, несмотря на дополнительные усилия слушающего, дает последнему особую радость узнавания, сопричастности к творчеству, что, по-видимому, и делает метафору ценным эстетическим инструментом. Кроме того (а, может, это и главное), метафора позволяет, расширяя номинационные возможности языка, дать новую информацию (например, *бархат ночи* передает такие особенности денотата, которые до употребления этой метафоры языком не отмечались).

Если же метафора «закрепляется» в языке, ее понимание становится легче, поскольку слушающий уже знает о возможности такого использования слова. Первым этапом закрепления, видимо, можно считать публицистические штампы: *черное золото* (о нефти), *проробы перестройки* и т.п. Они уже вошли в узус, однако, еще воспринимаются как результат творчества говорящего (что нередко вызывает раздражение, как любой повтор находки).

Рассмотрим стратегии говорящего и слушающего при понимании метафоры в соответствии с предложенной нами моделью речепорождения и упомянутыми выше механизмами метафоризации. При первом употреблении метафоры («живая метафора») говорящий может надеяться на понимание слушающего благодаря тому, что контекст не позволяет понимать приводимую единицу в основном смысле и заставляет искать другое понимание. Как мы видим, это предположение о действиях слушающего базируется на представлениях о взаимопомощи говорящего и слушающего, о релевантности любого сообщения (Sperber, Wilson 1986): если что-то сказано, значит, это можно и нужно понять.

В употреблении метафоры нет противоречия и изложенному выше представлению о выборе средства, наиболее точно отражающему намерения говорящего. Несмотря на то, что часть значения переосмысленного слова противоречит излагаемому содержанию (бархат – это плотная ткань,

что, естественно, не попадает в значение в сочетании *бархат ночи*), другие компоненты оказываются единственными средствами, выражающими тонкости передаваемого смысла (*бархат* – мягкий, матовый, теплый, нежный на ощупь). Слушающий понимает, что говорящий употребил слово «неправильно» именно ради передачи этих компонентов, т.е. понимает не прямо, а «как если бы». Единожды понятая, метафора в дальнейшем понимается легче, т.е. происходит узуализация нового значения, особенно если повторяется контекст употребления (словосочетание, тип высказывания и т.п.).

Дальнейшая узуализация делает штамп принадлежностью определенного вида дискурса, ср. политические штампы советского времени (*отряды трудящихся*) или современных правых (*шоковая терапия, невидимая рука рынка, свободный оборот земли* и т.п.), и его воспроизводство уже имеет цель сообщить о принадлежности текста к этому дискурсу. Здесь узуально закрепляется не только возможность употребить данные слова метафорически, но и типы текстов (точнее, авторов), с которыми связано данное употребление.

В принципе, привязка какого-то слова к типу текста вовсе не обязательно связана с метафоризацией, ср. *эксплуататор, трудящиеся* как признак «дискурса левых» (Borisova 1998). В таком случае привязка к типу дискурса осуществляется по способу, описанному в третьем параграфе, как у речевых формул. Однако, интересно, что значительное большинство штампов, связанных с определенными типами политических и общественных текстов, имеют в своей основе метафору, обычно еще ощущаемую как таковую (ср. *акулы империализма, столбовая дорога цивилизации* и т.п.). Возможно, это связано с механизмом закрепления значения – употребление слова в метафорическом значении привязывается к контекстам определенного типа, т.е. действуют одновременно механизмы привязывания и к прагматическим характеристикам (в данном случае это тип дискурса), и к новому денотату. Пока второй процесс не прошел достаточно полно, первый его поддерживает.

5. Почему коллокации устойчивы

Предложенная выше модель позволяет не только описать процесс метафоризации в коллокациях (или фразеологических сочетаниях, ср. *нести ответственность, бурные аплодисменты* и т.п.), но и предложить объяснение тому факту, что сочетаемость компонентов в них устойчива: выбор несвободного компонента определяется не только выражаемым смыслом, но и другим компонентом сочетания.

Подавляющее большинство несвободных компонентов коллокаций метафоризируется, ср. *идет работа, ставит условия, горячее сочувствие*. Иногда с ходом времени исчезает основное значение компонента (как у глаголов *оказывать, совершать*), и это снимает метафоризацию на синхронном уровне. Однако в целом можно говорить о том, что в какой-то момент истории метафоризация затронула значительное большинство коллокаций. Слушающий, в процессе понимания коллокации, сталкивается с двумя возможностями: или он узнает коллокацию целиком, или «расшифровывает» метафору, заложенную в несвободном компоненте. Видимо, в реальности выбор пути зависит от степени узуализованности коллокации, и для одних реальна только первая возможность (например, для *чинить препону*), а для других – преимущественно вторая (например, для *раскрутить кандидата*). Мы, однако, рассматриваем все это как лингвистическую модель, и в ней удобно предусмотреть оба варианта.

При расшифровке метафоры решающую роль играет второй (свободный) компонент словосочетания. Самые распространенные смыслы, выражаемые в коллокациях – «типичное действие с тем, что выражено свободным компонентом», «высокая степень того, что выражено свободным компонентом» и т.п. Недаром они были объединены в понятие «лексическая функция» (термин А.К.Жолковского и И.А. Мельчука, см. ТКС), в котором зависимость от значения свободного компонента задана по определению. Такая связь позволяет понять даже достаточно отдаленную метафору. Например, *пороть* в коллокации *пороть чепуху*, *наводить* в коллокации *наводить порядок* переосмыслены очень значительно. От глагольного значения тут (и во многих других случаях) остается очень мало, практически только общее «оглаголивание» (Буслаев), однако контекст подсказывает однозначность интерпретации.

Зависимость понимания слова от второго компонента словосочетания и является свидетельством того, что словосочетание должно функционировать устойчиво, т.е. все вместе. На эту зависимость опирается говорящий, употребляющий словосочетания с переосмысленным, а иногда вдобавок и выветренным значением одного компонента: он знает, что такое слово будет понято в составе словосочетания в целом.

Если сравнивать механизмы узуализации, предложенные для штампов, переносных значений и коллокаций, то в последнем случае мы видим одновременное воплощение механизмов, предложенных для двух первых: с одной стороны, закрепляется новое значение, с другой – оно закрепляется в определенной привязке к контексту (в случае с коллокациями роль контекста играет свободный компонент).

6. Узуализация идиом

Идиома воспринимается как полностью переосмысленное словосочетание независимо от того, лежит ли в основе переосмысления образ (*стреляный воробей, намазать пятки*) или нет (*железная дорога, ничтоже сумняшеся*). В работе Баранов, Добровольский 1997 механизмом переосмысления предлагается считать замену слотов во фрейме ситуации. Это не противоречит той модели узуализации и метафоризации, которая была применена для объяснения, к примеру, переносного значения слова.

Рассмотрим относительно «живую», т.е. осязаемую носителями языка метафору в идиоме *вставлять палки в колеса* (Живость подтверждается и возможностью перефразирования типа *вставлять палки в шасси*, когда в публицистической статье речь идет о самолетах, *вставлять указы в колеса*, когда выражается недовольство бюрократией и т.п.). Говорящий, употребляя это словосочетание, может надеяться на его понимание и без предварительного знания такой идиомы. Слушающий представляет себе ситуацию движения и помех, которые возникают при движении, если в колеса вставляются палки, сопоставляет с описываемой ситуацией и видит, что значения слов *палки, колеса* не находят денотата, остается только смысл «помехи» и коннотативные компоненты, связанные с ситуацией – досада или, напротив, злорадство (смотря кто кому мешает) и т.п. Видимо, такое «освобождение» от лишних конкретных значений и считают исследователи заменой слотов во фрейме ситуации. Для нас же важно, что возможность употребления для обозначения ситуации «помеха» закрепляется за словосочетанием *вставлять палки в колеса*, причем вместе с коннотациями. Слушающий узнает – с каждым повторением все легче – в словосочетании известный ему второй смысл, что создает особую радость от узнавания, от взаимопонимания со слушателем. Это способствует тому, чтобы идиома приобрела экспрессивность.

В принципе, механизм узуализации идиомы совпадает с возникновением переносного значения, но идиома состоит из нескольких слов, переосмысление касается всех сразу, что и приводит к возникновению новой неоднословной единицы.

7. Как слова становятся крылатыми

Уже давно, а особенно в последнее десятилетие, неоднократно отмечалось, что в языке постоянно присутствуют фрагменты текстов разного рода – от священных до анекдотов, от художественных до рекламных – которые используются в речи для выражения собственных намерений говорящего (Об этом говорили Ю.Караулов, В.Костомаров и многие

другие). Обычно такое использование имеет характер цитирования: *Как сказал один деятель, процесс пошел*. Раньше исследователи отмечали такое явление как крылатые слова и афоризмы, которые понимались более или менее так, как это было заложено в тексте, откуда они брались. Если и имелось переосмысление, как в цитатах из басен Крылова, то оно соответствовало тому, как это было в басне, напр., *сыр вытал – с ним была плутовка такова* об удавшейся хитрости.

Узуализация речений из прецедентных текстов (термин В.Г.Костомарова) заключается в том, что в языке для примерно схожих ситуаций закрепляются определенные цитаты (нередко, неточные), например, *Словарь Эллочки Людоедки состоял из тридцати слов* – реакция на малограмотную речь. Процесс понимания цитаты включает переосмысление ее содержания в связи с контекстом, что обычно заключается в конкретизации, напр. цитата *Хотели как лучше, получилось как всегда* может означать «я признаю, что моя ситуация является частным случаем ситуации, описанной в цитате, к ней приложима оценка, содержащаяся и в цитате и все связанные с ней рассуждения». Поэтому узуализация связана с тем, что некоторая цитата описывает ситуацию, к которой сводимо большое число других ситуаций, встречающихся в жизни в то время, когда цитата входит в язык, превращаясь в крылатое слово.

Однако следует учитывать, что понимание включает еще и узнавание текста-источника, что может восприниматься как признак принадлежности говорящего и слушающего к одной общности. Кроме того, пока связь с ситуацией еще не закрепились в языке, как удачный подбор речения, так и его понимание не вполне тривиальны и поэтому вызывают взаимную радость успеха (как в случае с метафорами), свидетельствуют об остроумии или об образованности, уме.

Закрепление в языке единиц, связанное с текстами, чаще всего бывает не очень прочным и зависит от распространенности текстов такого рода среди общающихся. Например, огромное количество цитаций из «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца», очень распространенных в пятидесятые-шестидесятые годы, теперь в основном непонятны молодежи. То же можно сказать о цитатах из Ленина (чаще всего не вполне аутентичных), а до того – из Священного Писания.

Если все же происходит более прочная узуализация, теряется главное свойство цитации – радость от общего знания текста и ссылка на авторитет создателя этого текста. Речение становится поговоркой или пословицей, ср. *Не мечите бисер перед свиньями* (из высказывания Иисуса Христа), значение которой можно передать свободным предложением: «не тратьте усилия на недостойных».

8. Узуализация – компонент динамической модели речи

Итак, мы рассмотрели некоторые модели появления и закрепления новых значений. В их основе лежит механизм речепорождения, в котором учитывается выбор говорящим тех единиц, которые лучше всего понимаются слушающим. Понимание сказанного слушающим основывается на закрепившихся в языке значениях слов, морфем и т.п., и это позволяет описать механизм появления нового значения как отдельного слова, так и фразеологизма.

Строя модель узуализации, мы исходили из несколько идеализированной (как обычно и бывает в моделях) ситуации: слушающий имел в качестве оснований для понимания сообщения только уже существующее в языке прямое значение слов и контекст (и языковой, и внеязыковой), в которой они употребляются. Это – ситуация «живого», первого переосмысления значения единиц. Любое следующее употребление уже опирается и на то, что один раз было возможно другое понимание.

Действительно, выше мы заявили, что говорящий выбирает те единицы, которые легче будут поняты, чем их конкуренты. Если слушающий знает, что хоть один раз это слово (или словосочетание) уже имело новое понимание в каких-то условиях – в определенном контексте или какой-то речевой ситуации – оно легче будет понято, т.к. слушающий вспоминает не только основное значение слова, но и возможность нового понимания. За счет этого данное слово получает преимущество перед конкурентами, и чем больше повторений, тем сильнее преимущество. В результате за словом (или словосочетанием) закрепляется новое значение.

Эта общая модель узуализации несколько варьирует в зависимости от того, что выступает в роли переосмысляемой единицы (слово, словосочетание, речение и т.п.), что – в роли контекста переосмысления (окружение, речевая ситуация), а что – в роли источника нового значения (изменяющийся денотат, новая речевая ситуация). Поэтому мы приводим несколько различающихся модели для образования нового значения слова, переносного значения, несвободных сочетаний – штампов, клише, коллокаций и идиом. Однако в целом все они сводятся к описанным выше действиям говорящего и слушающего. Если узуализация заходит достаточно далеко, то говорящий может учитывать только новое значение слова или словосочетания, как например, при выборе ругательства для глупого человека, вполне можно не сравнивать животных по степени глупости, а припомнить, что такое значение имеет слово *осел*. В некоторых случаях понимание строится только на новом значении, и тогда исходное может быть потеряно (как у несвободного компонента коллокаций *оказывать*, означавшего «показывать»).

Заключение

Предложенная модель позволяет дать ответы на вопросы, которые обычно возникают при знакомстве с процессами появления и закрепления в языке новых единиц (или их новых значений). Во-первых, эта модель объясняет, почему слово может быть употреблено в значении, ему не присущем: модель речепорождения предусматривает усилия слушающего, позволяющие понять намерение говорящего даже если имеющиеся значения употребленных слов ему не соответствуют (в первом разделе работы этот механизм был описан).

Далее, выявление способов узуализации может с некоторой степенью достоверности (а точнее в этой области делать утверждения нельзя) показать, почему закрепляются одни новые значения и не закрепляются, остаются окказиональными огромное множество других. Узуализация касается тех единиц, которые в наилучшей степени соответствуют условиям узуализации для каждой единицы (которые мы постарались описать в соответствующих разделах). Например, новое значение в результате «обратного означивания» возникает у слова, для которого изменение денотата достаточно стабильно и долговременно, как это было со словом *демократ* и несколькими однокоренными. Что касается нового значения, к примеру, слова *патриот* «противник демократических реформ», возникавшего в некоторых употреблениях, то оно не закрепилось, так как таких употреблений было немного. (Начиная с 1995 года слово «патриот» стало применяться к сторонникам реформ некоторых политических направлений, что воспрепятствовало появлению нового значения слова).

Аналогичные выводы можно сделать и для других узуализуемых единиц. Например, узуализация крылатых слов зависит от распространенности обобщенной ситуации, которую описывает цитата и от известности текста (причем оба фактора действуют суммарно – даже не очень распространенная ситуация может описываться очень хорошо известной цитатой и употребляться как крылатое слово, например, *информация к размышлению* – из фильма «Семнадцать мгновений весны»). Поэтому в наши дни крылатые слова возникают только из цитирования общественных деятелей (эти тексты распространяются СМИ) или из рекламы, ср. новое крылатое слово *Ждем-с*, которое, впрочем, уже выходит из употребления из-за того, что не повторяют эту рекламу. Литературные или даже телевизионные произведения в наши дни не получают такой известности, чтобы стать источником крылатых слов.

Как видим, условия узуализации в значительной степени экстралингвистические, поэтому предсказание перспектив узуализации для какой-то

единицы – слова или фразеологизма – только на основании лингвистических факторов невозможно. Однако это не снимает с повестки дня вопрос о лингвистических механизмах узуализации, один из возможных ответов на который предлагает данная статья.

Литература

- Арутюнова Н.Д. 1990. *Метафора и дискурс. Теория метафоры*, М., 5-32.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 1997. "Постулаты когнитивной семантики", *Известия РАН, Сер. лит. и яз.*, №1.
- Борисова Е. 1994. "Системность и узус (на материале коллокаций)", *Wiener Slavistischer Almanach* 34, 219-238.
- Борисова Е.Г. 1996. "Значение слова и описание ситуации (прагматическая точка зрения)", *Вестник МГУ, сер. 9, Филология*, №3, 27-42.
- Гак В.Г. 1998. *Языковые преобразования*, М.
- Имплицитность в языке и речи* (под ред. Е.Г.Борисовой и Ю.С. Мартемьянова), М., 1999.
- Телия В.Н. 1998. "Метафора как модель смыслопроизводства", *Метафора в языке и тексте* (под ред. В.Н. Телия), М., 26-51.
- Borisova E. 1998. "Opposition Discourse in Russia: Political Pamphlets 1989-91", *Political Discourse in Transition in Europe 1989-1991* (ed. P.Chilton, M. Pyin, J.Mey), Amsterdam/Philadelphia.
- Grice H.P. 1975. "Logic and Conversation", *Syntax and Semantics*, vol. 4, Oxford, 41-58.
- Sperber D., Wilson D. 1986. *Relevance: communication and cognition*. Oxford.
- ЛЭС – *Лингвистический энциклопедический словарь*, М., 1990.
- МАС – *Словарь русского языка*, М., 1981-1988.
- СРЯО – *Словарь русского языка* (ред. С.И.Ожегов), М., 1970.
- ТКС – *Толково-комбинаторный словарь русского языка*. (=Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 14, Wien – Moskau, 1984).